

РАХМАН
АЛИ

МОЙ БРАТ
МОХАММЕД
АЛИ

Спортивные легенды

Рахман Али

Мой брат Мохаммед Али

«Издательство АСТ»

2019

УДК 796.83:929

ББК 75.713

Али Р.

Мой брат Мохаммед Али / Р. Али — «Издательство АСТ»,
2019 — (Спортивные легенды)

ISBN 978-5-17-121882-9

Мохаммед Али любил находиться в центре внимания: его всегда окружали поклонники, звезды шоу-бизнеса, политики, но также и проходимцы, которых интересовали лишь его деньги. Но неизменно, словно его тень, рядом был родной брат Рахман – спарринг-партнер, телохранитель, ближайший друг и человек, который знал его лучше всех. Они вместе росли, пришли в бокс, переживали взлеты и падения. Рахман Али собственными глазами видел, как Мохаммед шел по тернистому пути к мировой славе в Соединенных Штатах Америки, где еще царили неравенство и предрассудки. Он был свидетелем его превращения в пламенного борца за мир и права человека. Мало кто знал Мохаммеда таким, каким он был в кругу семьи и вне объективов камер, – настоящего Мохаммеда Али. Перед вами история жизни великого боксера, рассказанная младшим братом Рахманом. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 796.83:929

ББК 75.713

ISBN 978-5-17-121882-9

© Али Р., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Братя	8
Зарождение мечты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Р. Али, Ф. Рафик

Мой брат Мохаммед Али

Перевод оригинального издания

Rahaman Ali, Fiaz Rafiq

MY BROTHER, MUHAMMAD ALI:

The Definitive Biography of the Greatest of All Time

Настоящее издание публикуется по соглашению с Brotherstone Creative Management и The Van Lear Agency.

Авторские права Rahaman Ali и Fiaz Rafiq защищены законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года.

Фото на обложке: Trevor Humphries/Getty Images

© Rahaman Ali with Fiaz Rafiq, 2019

© Перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

О жизни величайшего боксера всех времен и народов, казалось бы, мы знаем всё, и каждая новая книга встречается со скепсисом. Но не в этот раз. Никто не знает Мохаммеда Али лучше, чем его родной брат. Рахман Али, проведший рядом с легендой всю жизнь, выдает неизвестные подробности знакомых всем историй. Делает это с любовью и предельно искренне.

Книга рекомендуется не только фанатам бокса и поклонникам таланта Али, потому как это тоже история становления американского общества и рассказ о том, как один человек может изменить его законы. А фанаты узнают в подробностях, что происходило за пределами ринга до и после легендарных поединков в истории бокса.

Игорь Брагин,

редактор раздела «Бокс» Championat.com

* * *

Я посвящаю эту книгу своему любимому брату Мохаммеду Али. Он был моим лучшим другом, и я горжусь тем, что я его единственный брат. Мне очень повезло стать частью его жизни. Я всегда буду за это благодарен.

Предисловие

Мохаммед Али был решительным, дерзким и отважным. Он преодолевал множество трудностей, ломал стереотипы и вызывал множество противоречий. Али знали во всем мире как великого борца – борца за равные права, против дискриминации. В этом наши взгляды с Мохаммедом сходились: мы оба открыто говорили, что должны обладать такими же правами, как и другие граждане Америки.

Я очень тесно дружил с Али. Мы отлично проводили время вместе, и вообще, Мохаммед был очень веселым человеком. Помню, как-то он предложил:

– Давай пойдем к людям.

– К людям? – озадаченно спросил я. – В смысле, пешком? И что мы будем делать?

А Мохаммед ответил:

– Просто выйдем на улицу и поболтаем с людьми. Дадим им возможность поговорить с нами.

И время от времени мы стали совершать такие прогулки. Благодаря Али люди начинали лучше относиться к самим себе. Я все думал, какой бы еще звезде его масштаба пришло в голову вот так встречаться с простыми людьми, разговаривать с ними? По-моему, это потрясающе.

У нас с Мохаммедом были схожими главные жизненные ценности: деньгам не нужно поклоняться, самое главное – сохранять человеческое достоинство. Нет ничего важнее этого. И человек, если ведет себя в жизни правильно, способен справиться с любым злом. Никому другому в истории не удавалось так использовать свою известность, как делал это Али.

С Рахманом мы знакомы уже больше полувека. Думаю, у Мохаммеда никогда не было более близкого человека, чем его брат. Здорово, что Рахман решил написать самую правдивую биографию Мохаммеда. Ведь Али – не просто главная спортивная звезда современности. Он любил людей и боролся с дискриминацией: этот великий тяжеловес-чемпион вышел за пределы не только бокса, но и спорта в целом. Мохаммед Али – больше, чем просто спортсмен. История его жизни – важная часть истории всего общества, и без тени сомнения я могу сказать, что наследие Али будет жить еще долгие годы... надеюсь, вечно.

Джим Браун, легенда НФЛ

Введение

Брат для меня всегда был больше, чем просто боксером.

Ни одного другого спортсмена в мире – и, наверное, вообще почти никого из людей, – не любили так, как Мохаммеда Али. Его слава на пике карьеры была мировой, гремела по всему свету. Как спортсмен брат вышел далеко за пределы своего спорта, а как личность воплощал многие лучшие человеческие качества. Кто-то представляет брата шустрым тяжеловесом, уклоняющимся от «кувалд» Сонни Листона, а кто-то – уже более опытным бойцом, который мудро выжидает, пока Джордж Форман растратит свои силы на удары по корпусу. Но я очень давно понял: бокс – это лишь платформа для Мохаммеда: он, «избранный», будет делать все, чтобы любовь, мир и уважение друг к другу объединили людей на Земле.

Никто на свете не был связан с Мохаммедом такими тесными узами, как я, – кроме наших родителей, конечно. Почти всю жизнь я провел рядом с братом. Видел Мохаммеда в его лучших и худших проявлениях: неугомонным проказником и немного завистливым старшим братом, активным борцом за права на публике и тихим семьянином вдали от любопытных глаз. Мы вместе выросли, вместе жили и тренировались, вместе путешествовали и встречались со знаменитостями – с президентами, в том числе, – и даже выступали на одних и тех же вечерах профессионального бокса.

Но жизнь брата никогда не ограничивалась спортом. Несмотря на болезнь Паркинсона, Мохаммед и в последние годы не терял жизненной энергии. До самой смерти он активно защищал права представителей своей религии и в целом всех людей, посвящая себя благотворительности и помощи другим. Весть о его кончине в июне 2016 года породила невиданную волну эмоций и признания его заслуг. Мало о ком написано столько, сколько о Мохаммеде: чаще всего это добрые слова, иногда – вызывающие споры, а некоторые, видимо, сказаны, чтобы запятнать его память. Однако до сих пор в хоре этих голосов не хватало одного, – принадлежащего человеку, который знал Мохаммеда лучше всех, – моего голоса.

Биографию брата рассказывали миллион раз – в книгах, журналах, документальных фильмах, но часто его показывают только легендой, а не живым человеком. Я предлагаю вам по-новому посмотреть на жизнь Мохаммеда и рисую портрет не только человека, которого знаете вы, но и того, которого знал только я, – человека, который, как и все мы, противостоял гневу, страхам, искушениям, но каждый день изо всех сил старался сделать мир немного лучше. Как и у любого другого, у Мохаммеда были недостатки. Как-то раз он сказал мне: «Спроси у человека в 50 лет, поступил бы он в 20-летнем возрасте в некоторых ситуациях иначе, – и он, конечно, ответит, что да. А если нет, значит, эти 30 лет он прожил впустую». В своей жизни Мохаммед не терял зря ни минуты: например, за те годы, что он не мог заниматься боксом из-за запрета правительства, брат превратился в фантастического оратора, который вдохновлял молодежь.

В детстве Мохаммед говорил: «Я стану самым известным в мире». И мы оба не сомневались, что он добьется успеха. Помню, как-то раз, в зените славы, Мохаммед сказал: «Разве это не удивительно, что наши детские мечты сбылись, что мы достигли всего, чего хотели?» Мне очень многое нужно рассказать миру о Мохаммеде Али, и я постарался сделать это в книге, которую вы читаете.

Братья

Во время родов мой брат чуть не убил нашу маму.

У него была просто огромная голова для новорожденного – слишком большая, чтобы выскользнуть естественным путем. Врачи городской больницы Луисвилла, штат Кентукки, сделали все возможное, чтобы брат не умер во время родов, но этого едва удалось избежать. В конце концов доктора решили использовать акушерские щипцы, из-за чего Мохаммед родился с деформированной головой. К счастью, наша бабушка – мама мамы – была рядом, успокаивала и помогала. Убедив маму, что позаботится о ребенке, она взяла на руки моего новорожденного брата и начала мягко растирать ему голову. Не знаю, поэтому ли голова Мохаммеда приобрела такую идеальную форму, но отметина от этих щипцов на его правой щеке сохранилась на всю жизнь. В любом случае, как повторяла мама, с самого рождения было видно, каким красавцем станет мой брат; вот его лицо – в центре тысяч выпусков новостей, прекрасные черты, терзаемые ударами боксерских перчаток, – лицо, которое знает почти весь мир. Мохаммед всегда был красивым, и мама полюбила его в тот же миг, когда впервые увидела.

Однако не все узнавали моего старшего брата с такой же легкостью. Вскоре после родов медсестры положили маме в кровать не того ребенка, и она, еще не вполне придя в себя, поняла это, только когда прочитала бирку с именем. Мама наверняка была в панике, но, как человек уравновешенный, лишь слегка повысила голос, сказав: «Это не мой ребенок». Она всегда смиренно воспринимала подобные унижения – и в этом, как и во многом другом, мама была полной противоположностью отцу. Наконец медсестры принесли моего брата. Потом, через много лет, мама рассказывала, что все малыши в палате вели себя очень тихо, так что и плача почти не слышалось – все, кроме моего брата, который орал не переставая. Он провел в этом мире меньше суток – а уже стал самым громким: заводился как сирена, а вслед за ним и все остальные дети тоже начинали кричать. Только брат мог «взорвать» всю палату. С самого своего рождения Мохаммед громко заявлял о себе.

Я называю своего старшего брата «Мохаммед» вот уже пять с половиной десятилетий, хотя при рождении он получил имя в честь моего отца – Кассиуса Клея Марселлуса-старшего. Брат появился на свет 17 января 1942 года, а я – полтора года спустя. Папа обожал Рудольфо Валентино – голливудскую кинозвезду – и решил дать мне имя в его честь – Рудольф Арнетт Клей. Но мой брат называл меня не иначе как Руди, а его в нашей семье всегда звали Джи, потому что «джи-джи» были его первыми словами. Он повторял их, когда хотел, чтобы его накормили, поменяли подгузник или просто взяли на ручки. В 1964 году я взял себе имя Рахман, а он – Мохаммед, но дома его по-прежнему называли Джи – и до сих пор называют. Отца звали Кэш, а маму – Бёрд, птичка, за красивый смех, которым она заливалась, когда папа пел, поддразнивал ее или рассказывал анекдоты.

Наша мама, урожденная Одесса Ли Грэйди, появилась на свет 12 февраля 1917 года. Ее отец, Джон Грэйди, был мулатом – сыном темнокожей матери и отца-ирландца. Джон переехал в Америку в 1877 году из ирландского городка Эннис. После долгого, изнурительного плавания через Атлантику он женился на бывшей рабыне. Наша мама, прекрасная внешне и внутренне, всегда была невероятно мягкой и доброй. Ее – коренастую, с очень светлой кожей – часто принимали за белую женщину даже в те времена, когда принадлежность к определенной расе так влияла на возможности, которые предоставлялись вам в жизни.

К тому же мама почти никогда не злилась и не грустила. Люди любили ее за то, что она была жизнерадостной и излучала внутренний свет. Мама старалась всегда сохранять достоинство и стала воспитывать это в своих сыновьях, едва мы начали говорить. Нас учили проявлять доброту к окружающим, демонстрировать хорошие манеры и уважать старших, вне зависимо-

сти от их происхождения. Дружелюбие и щедрость мой брат, несомненно, унаследовал именно от матери.

А еще она была непреклонна во всем, что касалось порядка. Мама не только заставляла нас следить, чтобы мы выглядели всегда опрятно – ее стандарты чистоты распространялись и на весь дом. Мама всегда проверяла, как мы выполнили свои обязанности по дому – каждое утро, прежде чем выйти из дома, надо было застелить кровать, а вещи, которые нужно постирать, – положить в корзину с грязным бельем, а не разбрасывать где попало. Порядок в доме должен поддерживать каждый – и для нас, детей, не делалось никаких поблажек. Однако любимчиков у мамы не было. Мохаммеда, как первенца, она не выделяла, и я искренне убежден, что мама любила нас одинаково.

Во многих отношениях наш отец – ее полная противоположность. Он был талантливым художником и зарабатывал тем, что рисовал вывески в Луисвилле и пригородах. По словам папы, в пятидесятые, когда он начинал, из темнокожих, кроме него и еще одного парня, вывески маслом не рисовал больше никто. Сначала он работал только в черных кварталах, но благодаря сарафанному радио стал получать многочисленные заказы и от белых, несмотря на то, что город тогда был разделен на кварталы по цвету кожи. Даже изображения Иисуса Христа во многих церквях Луисвилла – творения его кисти. Работы, на которых стояло имя отца, можно было встретить в любом уголке города.

Мы с Мохаммедом считали себя его самыми главными фанатами: картины отца нас всегда завораживали. Мы наблюдали, как он создает магию, и его талант художника настолько нас восхищал, что я мечтал когда-нибудь научиться рисовать так же здорово, как папа. Именно пример отца вдохновил меня заниматься живописью, когда я стал взрослым, хотя, по-моему, его уровня я так и не достиг.

Как-то раз он сказал Мохаммеду: «Ты должен стать юристом или врачом», но так сложилось, что в жизни брат проявлял другие способности, доставшиеся от отца в наследство. Папа был не только талантливым художником, но и прирожденным актером – он обожал петь и танцевать. Отец был шоуменом и отлично изображал звезд тех лет, распевая шлягеры после работы в нашем уютном доме. А еще его знали как любителя экстравагантно одеваться. По вечерам этот красивый, ухоженный темнокожий мужчина надевал начищенные ботинки, узкие брюки, свежую рубашку и заваливался в джаз-клуб, где танцевал до утра. У него была особая манера говорить – он тараторил, будто торопясь все высказать. «Кассиус, давай-ка помедленнее, а то я почти ни слова не понимаю», – говорила мама: она и не предполагала, что однажды эта способность отца выстреливать слова с бешеной скоростью сыграет такую важную роль в карьере моего брата. Мы с Мохаммедом не сомневались, что папа имел все шансы стать звездой шоу-бизнеса, но, по его словам, сделать такую карьеру он не мог из-за цвета кожи, ведь для темнокожих в то время были закрыты многие дороги.

А еще отец, к сожалению, имел репутацию пьяницы и бабника. Маме всю жизнь приходилось мириться с тем, что ее муж – любитель погулять. Время от времени мы становились свидетелями ссор наших родителей, и Мохаммед эти моменты ненавидел. Он залезал под кровать или прятался с головой под одеялом. И сгребал в охапку меня, своего младшего брата, – мягко, словно стараясь защитить. И все же наши родители любили друг друга, хотя и сильно различались характерами. Отец был очень суровым – не из тех, кто проявляет свою любовь. Самое неприятное, что, напиваясь, он начинал скандалить с мамой, иногда даже бил ее. В целом он был вполне дружелюбным человеком и старался уважать окружающих, но ссоры родителей сильно повлияли на нас с Мохаммедом – думаю, во многом поэтому в будущем мы оба старались лучше относиться к женщинам, находящимся рядом с нами.

Наших родителей объединяла религия. Убежденные христиане, они строго следовали учению Библии. Помню, утром в воскресенье мама всегда особенно тщательно одевала нас с Мохаммедом, и мы шли в церковь, чтобы послушать проповедь преподобного Уилсона. И хотя

дома мама обычно проявляла свою любовь и осыпала нас ласками, в церкви она не выражала открыто своих эмоций – не кричала, как некоторые прихожане. На людях мама всегда вела себя тихо и спокойно, хотя ее сыновья и не унаследовали эти черты.

* * *

В детстве Мохаммед был невероятным непоседой. О таких говорят, что у них шило в одном месте, – он просто не мог усидеть без дела. А еще влезал в каждый разговор, даже когда в этом не было никакой необходимости. Сидел, уплетая обед за обе щеки, и при этом говорил маме: «Хочу еще». В пять лет, играя с соседскими ребятами, он вставал на какое-нибудь возвышение, как лидер, обращаясь к собравшимся, – а я старался не отставать от него, насколько это возможно в три года. Мама говорила, что уже тогда поняла: брат никогда не удовлетворится ролью второго плана – нет, он будет в центре внимания, к нему будут прислушиваться. Даже в детстве Мохаммед был громким, гордым и уверенным. Я считал его прирожденным лидером и следовал за ним почти повсюду.

Мы обожали шалить, и хорошо, что в детстве у нас было не так много возможностей влипнуть в серьезные неприятности. Сначала наша семья поселилась в неблагополучном районе на юге Луисвилла, а через пару лет после моего рождения мы переехали в западную часть города, совсем недолго жили там вместе с бабушкой и дедушкой, а потом, в 1947 году, переехали в другой дом – всего через четыре квартала от прежнего, на Гранд-авеню, 3302. Именно он известен сейчас как место, где вырос Мохаммед Али. Наш прежний район считался совсем неблагополучным, Гранд-авеню же в определенном смысле имел репутацию лучшего в округе: в западной части Луисвилла были кварталы и похуже. В восточной части города самым криминальным называли Смоук-таун, и все равно ни один из черных кварталов Луисвилла не мог сравниться с гетто в крупных городах: там афроамериканцы имели право селиться только в определенных районах, где плотность населения была зачастую вчетверо выше, чем в белых кварталах, и на работу их брали далеко не везде. Район, где мы росли, хоть и был населен в основном темнокожими, но рядом с нами жили и белые семьи, а также адвокаты и врачи.

Однако я хочу развенчать миф, который существует уже много лет: нет, мы с братом не выходцы из среднего класса. Наша семья действительно не была нищей – в округе некоторые жили еще хуже нас, – но почти все наше детство прошло в относительной бедности. Это так, уж я-то знаю точно. Денег нам всегда не хватало. Долгое время мы не могли позволить себе даже собственную машину, и отцу в конце концов удалось купить только старую – ей было по меньшей мере лет десять; да и деньги на новые шины наскребали всегда с трудом. Сами мы жили в скромном одноэтажном домике с двумя спальнями, гостиной, ванной и кухней, где обедали. Дворик перед домом был совсем маленьким, а за домом – побольше: он начинался от заднего крыльца и тянулся до самого переулка. Там росли высокие деревья, а в пруду плавали золотые рыбки. Как бы то ни было, жили мы неплохо, но иногда нам не хватало денег, чтобы сделать дома ремонт, и приходилось просто мириться с какими-то вещами. Например, несколько лет подряд крыша протекала, и стены были в ужасном состоянии. Парадное крыльцо разваливалось – еще с момента нашего переезда. Отец постоянно собирался его починить, но деньги приходилось тратить на более насущные нужды. Мы с Мохаммедом почти всегда носили одежду, раздаваемую благотворительными организациями, ходили в рубашках и ботинках, купленных за доллар в секонд-хенде. Поэтому я бы не стал говорить, что Мохаммед рос в семье «среднего класса». Да, наш отец считался довольно известным художником, а мама работала прислугой в нескольких белых семьях, но сводить концы с концами было нелегко. Однако мы никогда не ложились спать голодными. Пусть у нас с братом почти не было денег, пусть нам не дарили горы подарков на праздники и не покупали все подряд. Обычно для счастья нам хватало того, что мы есть друг у друга.

Например, спальня у нас с Мохаммедом была одна на двоих – метров пять-шесть – и наши кровати стояли вплотную. Других ребят это могло бы раздражать, а нас только еще больше сближало как братьев. Он болтал со мной до поздней ночи, пока мы не засыпали. Рассказывал о своих мечтах, о том, что хочет многого добиться; брат не сомневался – однажды он станет богатым и знаменитым. Помню, Мохаммед мечтал, что купит родителям большой новый дом, первоклассный *Cadillac*, а на банковском счете у него будет лежать четверть миллиона долларов. А точнее, четверть миллиона – всегда эта цифра – будет лежать на черный день, так что родителям в случае чего не придется волноваться. Почти все считали это просто детскими фантазиями, но я искренне верил, что Мохаммед – избранный. Не сомневался, что он добьется успеха.

Несмотря на мечты о будущем достатке, брат никогда не терял веселого расположения духа, – уже в детстве его отличало чувство юмора, о котором потом узнали все. Он не упускал случая подшутить над всяким, кто велся на его розыгрыши, – и особенно надо мной! Как-то раз Мохаммед решил напугать меня так, чтобы я визжал как резанный, и разработал грандиозный план. Привязал длинную веревку к занавескам в спальне родителей и начал дергать за нее, привлекая мое внимание, а сам с невозмутимым видом лежал в собственной кровати. «Смотри, Руди, – позвал он, – в нашем доме живет привидение!» И я завопил во все горло, пытаюсь разбудить не понимавших, что случилось, родителей, крича: «В доме привидение!». Отец бросился к нам в комнату, недоумеая, из-за чего мы подняли такой шум, и, конечно же, сразу обо всем догадался. «Кассиус-младший, прекрати разыгрывать своего брата Рудольфа!» – помню, как он это говорил, еще полусонный, называя Мохаммеда полным именем, – так отец показывал, что недоволен, – но на брата подобное никогда не действовало. Сгибаясь пополам от смеха, Мохаммед повторял: «А классно я тебя обдурил, Руди!». Можно сказать, это была его фирменная фраза.

* * *

Наш квартал Мохаммед обожал. Приветливые соседи, да и все сообщество в целом жило довольно дружно, но самое главное – здесь открывались бесчисленные возможности для шалостей и проделок с такими же озорными ребятами. Как я уже говорил, среди сверстников мой брат был лидером, стоял на верхней ступени той иерархии, которая образуется сама собой в группе детей. Я следовал за Мохаммедом повсюду, но никогда не оспаривал его первенства – оставался на заднем плане, когда мы дурачились перед домом или рядом с ресторанчиком за углом. За поворотом, чуть-чуть подалее от зорких родительских глаз, мы играли в кости и придумывали другие развлечения.

Конечно же, мы любили игрушки, на которые находили деньги родители, но, как и почти все дети, иногда мастерили их сами. Привязывали кусок веревки на ручку от метлы и седлали получившихся «лошадей», а потом беззаботно носились туда-сюда по улицам, вопя во все горло. И, как все мальчишки в те годы, мы с друзьями играли в ковбоев и индейцев – куда же без этого. Главным, как правило, становился Мохаммед, неизменно заявлявший, что будет ковбоем, а я должен играть роль индейца. В тогдашних вестернах ковбоев изображали хорошими парнями, а индейцев – плохими. Мой брат хотел быть хорошим парнем, потому что они всегда побеждали.

Несмотря на эти игры и шалости, уже тогда, совсем маленькими, мы постоянно соревновались друг с другом. Разница в возрасте у нас небольшая, поэтому в любом деле каждый старался оказаться лучшим. Мохаммед, например, пытался опередить меня во всем – неважно, бегали ли мы наперегонки, соревновались в том, кто выше прыгнет, играли в прятки или с маленькими шариками и фишками. Мохаммед не собирался уступать ни в чем. В пятидесятых популярен был профессиональный рестлинг, и наши родители постоянно смотрели его по

телевизору – по крайней мере, когда телевизор работал. Неудивительно, что мой брат старался подражать этим бойцам, – и под раздачу попадал обычно я. Иногда, во время наших схваток в гостиной, мы немного выходили за рамки, но победа не всегда доставалась Мохаммеду. В детстве я был повыше и покрепче, а он – долговязым, но довольно тощим. До того, как брат занялся боксом, спорт его особо не привлекал: да, Мохаммед был быстрым и азартным, но физически не слишком сильным, в отличие от других ребят.

Например, он никогда не любил ни баскетбол, ни бейсбол, в которые мальчишки нашего возраста готовы играть хоть круглые сутки. Напротив дома, где жил его друг Адриан, был большой ничейный участок: там и собиралась наша компания, и Мохаммед иногда играл с нами, хоть и не любил командный спорт – все-таки это весело. Американский футбол ему совсем не нравился – как бы иронично это ни звучало, брат считал его слишком жестким. Мохаммед больше любил тач-регби¹, и бегал он отлично, не позволяя нам его коснуться, – однажды брат будет так же танцевать на ринге, уклоняясь от ударов величайших боксеров своего поколения. И даже тогда Мохаммед хвастался – в пылу борьбы у него внутри просто что-то включалось: «Вот какой я быстрый! – кричал он, убегая от нас по грязи. – Не догонишь, не догонишь! Смотри, я сейчас сделаю тачдаун!» И чаще всего это было не пустое бахвальство: он играл хорошо, но не потому, что любил эту игру, – просто Мохаммед обладал особым спортивным талантом.

Мы с братом, к счастью, чаще всего оказывались в одной команде, – как происходило и почти всю жизнь – и те летние месяцы детства всегда занимали особое место в наших сердцах. Беззаботное время, когда энергия была через край. Заводилой всегда был Мохаммед, который с азартом брался за любое дело. Я же относился ко всему слишком серьезно, по крайней мере, по рассказам брата. Находиться в тени Мохаммеда стало привычным для меня – все-таки он на полтора года старше, – но иногда я очень злился. И все же дрались мы редко. Понимали, что это нехорошо, по тихому неодобрению мамы и более активным дисциплинарным действиям отца. В общем-то соперничество с братом шло мне на пользу. Мохаммеду было нужно, чтобы его ценили и любили. Он хотел получить это сразу. Уже в детстве брат старался произвести впечатление на окружающих и выделиться из группы. И все-таки в одном я в юности был успешнее брата – и, волею судьбы, это особенно его огорчало.

В двух словах – я всегда легко заговаривал с девочками. Многие удивляются, но в подростковом возрасте я был ббльшим ловеласом, чем брат. И уж точно первая подружка появилась у меня раньше, чем у него. Девчонки, которые жили по соседству и ходили с нами в одну школу, были хорошо знакомы с нами обоими; Мохаммед частенько засматривался на них, но у него не хватало смелости даже просто подойти, не говоря уж о том, чтобы пригласить кого-нибудь на свидание – тут у Мохаммеда сразу язык отнимался. Он пытался скрыть свою застенчивость изо всех сил, но ничего не получалось. И каким бы самоуверенным брат ни казался в компании мальчишек, как бы нахально ни ухмылялся, но, разговаривая с девочкой, он лишь застенчиво улыбался в ответ – в то время в отношениях с женщинами это был его максимум. Почти невозможно поверить, но девчонки порой считали моего брата, как сейчас сказали бы, «занудой», – мне говорили, дело в том, что он не играл в американский футбол и баскетбол, то есть не занимался по-настоящему «мужскими» видами спорта. Проблема, конечно, была не во внешности брата, а в его характере – несмотря на всю браваду, уверенности ему не доставало. И, честно говоря, из-за стараний Мохаммеда что-то исправить становилось только хуже. Когда он, например, бежал рядом со школьным автобусом, выкрикивая имена одноклассниц и одноклассников, большинство девочек вжимались в кресла: им было стыдно – не за себя, а за него.

¹ Тач-регби – разновидность американского футбола: правила примерно те же, только для того, чтобы отобрать мяч, достаточно просто дотронуться до соперника, без захватов. – *Прим. перев.*

Смириться с тем, что я нравлюсь девушкам больше, Мохаммед, конечно, не мог: наверно, только это и могло рассорить нас, братьев. Например, по пути из школы я обычно выходил из автобуса немного пораньше, чтобы проводить свою подружку до дома и поболтать с ней. Одно и то же повторялось раз за разом: мы с девочкой разговаривали и смеялись, как вдруг раздавался стук в дверь; я шел открывать и обнаруживал брата – с абсолютно невинным лицом. Обычно он произносил что-нибудь вроде: «Слушай, Руди, у тебя, похоже, проблемы – мама требует, чтобы ты сейчас же шел домой. Она отправила меня за тобой и сказала, чтобы ты возвращался немедленно!» И раз за разом я, боясь худшего, извинялся перед подружкой и мчался домой – квартала четыре, пытаюсь понять, за что мне попадет. «Мама, что случилось?» – спрашивал я, как только влетал в дверь. Но по удивленному выражению ее лица понимал: она не ожидала моего появления и понятия не имела, о чем я.

Снова и снова брат проводил меня: эту уловку он использовал каждый раз, когда руки у него чесались попоказничать. Мне часто приходилось обвинять его в зависти. Пару раз мы даже перекинулись крепким словом. В юности я по-настоящему злился на брата только в такие моменты. В этой игре превзойти меня Мохаммеду не удавалось, и его наверняка заделало, что младший брат успешнее в одной из тех немногих сфер жизни, в которых сам он еще не до конца разобрался. И все же, какие бы жесткие слова мы ни говорили друг другу, до драк дело не доходило. Рассорить нас всерьез не могла ни одна девчонка.

* * *

Неважно, чем мы занимались – ухаживали за подружками, играли в футбол или придумывали что-нибудь еще, родители заставляли нас придерживаться одного неукоснительного правила: домой мы должны вернуться до темноты. Тогда это было в порядке вещей. В те далекие дни дети обычно уходили из дома рано утром и весь день, до позднего вечера, болтались на улице, предоставленные сами себе. Почти никто в нашем квартале не мог позволить себе наручные часы, но отец нашел простой выход: «И не говори, что не знаешь, сколько времени. Если не придешь домой до того, как загорятся фонари, тебе попадет». Поэтому каждый вечер повторялось одно и то же: как только спускались сумерки и начинали зажигаться фонари, мы неслись домой со всех ног, пытаюсь успеть раньше, чем включатся все до одного. Получалось это не всегда.

Когда мы опаздывали, отец задавал нам старую добрую порку. Обычно наказывали нас в ванной. Мохаммед отправлялся первым, а я ждал снаружи, пока отец закончит с братом и позовет меня. Мохаммед никогда не понимал суровых наказаний, которые устраивал нам отец за опоздания и другие проступки, но у папы о дисциплине были собственные представления: можно сказать, он ревностно относился к тому, чтобы держать нас под контролем. По повышенному тону и свирепому взгляду мы понимали – нас ждет взбучка. Чаще всего грозный вид отца вразумлял нас, когда было уже слишком поздно. Правила необходимо соблюдать – или папа заставит это делать. Наверно, во многом поэтому Мохаммед и отец отдалились друг от друга, когда мы были подростками. Нет, никакого скандала не произошло, просто та особая связь, которая есть у некоторых отцов с сыновьями, была разорвана еще до того, как появилась.

И все же я не соглашусь с биографами, которые пишут, что в детстве, проведенном в Луисвилле, мы испытали на себе физическое насилие. Во-первых, отец никогда специально не пытался сделать нам больно. Чаще всего мы с братом даже не замечали его оплеух – нарушали родительские запреты, не боясь того, что нам за это будет. Конечно, время от времени отец порол нас ремнем, но в сороковые-пятидесятые годы это не было чем-то из ряда вон выходящим, особенно в черных кварталах – ведь ты мог дорого поплатиться за нарушение закона. Повзрослев, Мохаммед понял, что отец хотел нам добра и делал все для нашего же блага. В районе, где мы жили, действительно было опасно разгуливать по улицам поздним вечером, и

отец просто боялся, чтобы мы не оказались втянуты в какую-нибудь жуткую историю, которые зачастую случались по ночам. Уже тогда проблемы с наркотиками были нередким делом, не говоря о грабежах, драках и жестоких поножовщинах, – как отец двух темнокожих мальчиков папа много о чем переживал.

Более того, в пятидесятые в некоторых регионах Америки расовая вражда порой выливалась в открытые конфликты. Существовало огромное количество расистских группировок, особенно на юге страны, и они спровоцировали стычки. Луисвилла это тоже коснулось. Мы с Мохаммедом рано поняли, что означает другой цвет кожи. Темнокожие в нашем городе старались держаться вместе и жили в какой-то полуизоляции: в своих кварталах никто не сталкивался с серьезными неприятностями, в других же районах нас постоянно оскорбляли. Напряженность так и витала в воздухе, и того и гляди могли случиться неприятности.

Например, вот история, которая покажет, с какой дискриминацией мы сталкивались в детстве, – и это воспринималось как данность. Как-то раз мама возила восьмилетнего Мохаммеда в центр города, а когда они вернулись, брат был весь в слезах. Оказывается, он захотел пить и стоял перед магазином, прося воды, – только в том магазине не обслуживали темнокожих. Мама все равно зашла с ним внутрь, чтобы купить сыну что-нибудь попить, но, по ее словам, продавщица явно испугалась. Сказала, ее уволят, если она будет обслуживать «негров». Вот так, ребенок плакал и просто хотел пить, а его мать не могла купить обычной воды в магазине в родном городе. Все закончилось тем, что к маме с Мохаммедом подошел охранник и попросил их уйти из магазина, иначе дело примет серьезный оборот. Вступать в конфликты мама не любила, поэтому не стала поднимать шум, но тот случай – и множество других – постоянно напоминали нам с братом, что в родном городе мы считаемся людьми второго сорта. Именно наш цвет кожи определял, где мы можем поест, где наш отец может работать, в каких парках нам разрешается играть и как с нами будут обращаться, если мы нарушим закон. В нашем с Мохаммедом сознании это засело надолго. Нам обоим казалось, что мама почти белая, но ее тем не менее считали «цветной». Постепенно мы привыкли к подобному отношению, но принять его так и не смогли. Мохаммед, например, постоянно спрашивал родителей, почему темнокожие должны терпеть все эти унижения.

Во многом именно из-за такой напряженности, даже став подростками, мы с Мохаммедом редко отваживались в одиночку уходить далеко от западной части города, в которой жили. И родители, и соседи предупреждали нас, что может случиться даже в таком относительно «просвещенном» городе как Луисвилл, и мы хорошо это усвоили. Настоящие проблемы ждали нас только за пределами нашего квартала, – например, если мы зайдем в полностью белый район, – и все же понимание того, что мы бессильны, уязвляло нашу гордость. Нередко случалось, например, что белые парни притормаживали и кричали из машин расистские оскорбления вроде «Эй, черный, что ты тут забыл?». Так они пытались спровоцировать нас, ведь потасовка могла иметь для темнокожих серьезные последствия. Их слова нас всегда задевали, но мы с братом пытались держать себя в руках: не хотелось нарваться на неприятности, потому что мы слишком хорошо знали о побоях и линчеваниях, которые все еще случались, например, в штате Миссисипи. Мы жили не на самом юге Америки, но родители рассказывали нам о том мире и показывали фотографии изуродованного лица Эммета Тилла, убийц которого оправдали². Так папа с мамой напоминали, что может произойти, если мы осмелимся ответить на брошенные с ненавистью слова.

Но сам Мохаммед, несмотря на расистские оскорбления и собственные неурядицы, никогда никого не запугивал. Даю слово. Да, похвастаться он любил, и был достаточно крепким физически, чтобы подтвердить слова делом, но я ни разу не слышал, чтобы кто-то в школе

² Зверское убийство Эммета Тилла, 14-летнего темнокожего подростка, вызвало широкий общественный резонанс. Тем не менее суд присяжных, состоявший исключительно из белых, убийц оправдал. – *Прим. перев.*

или в нашем квартале жаловался на брата и говорил, мол, Мохаммед его обижает, Мохаммед – плохой человек. Если потасовки и случались, то затевал их не мой брат. Мы с ним были очень близки – вы могли поставить свой последний доллар на то, что где бы вы ни встретили Мохаммеда, рядом всегда буду я. Родители постоянно напоминали: когда их нет с нами, мы сами должны стоять друг за друга, и Мохаммед гордился, что у него есть младший брат. Он заботился обо мне, и все ребята знали, что у нас отличные отношения. Каждый понимал: свяжешься с одним из братьев – будешь иметь дело с обоими. Если кто-то хотел обидеть Мохаммеда или устроить потасовку, я бежал ему на помощь и бился изо всех сил, даже если знал, что проиграю. Не было такой драки, в которой вместе со старшим братом не поучаствовал бы и я; и Мохаммед тоже всегда вмешивался, если кто-то собирался меня обидеть. Так что в детстве на нашем счету оказалось немало потасовок, но только когда Мохаммеду исполнилось двенадцать, мы подумали: а что, если у нас обоих просто к этому талант?

Зарождение мечты

В конце октября 1954 года у моего брата украли велосипед. Красно-белый *Schwinn* был подарком на Рождество – официально нашим общим подарком, но брат катался на нем чаще. В те времена дети ездили на велосипедах куда угодно – и в продуктовый магазин, и с друзьями по всему городу, в погоне за самыми разными приключениями. И вот как-то раз мы с Мохаммедом и одним нашим приятелем узнали, что в центре Луисвилла, на 4-й улице, будет небольшая ярмарка. Мы бросили велосипеды у ограды и, не сомневаясь в их целостности и сохранности, зашли внутрь, предвкушая, что отлично проведем время. И там действительно было здорово. Палатки с товарами для дома и одеждой, киоски, где предлагали всякую вкуснятину... а еще можно было поглазеть на крутые машины. Музыкальные группы развлекали всех, кто пришел в тот день весело провести время с родными и близкими.

Мы долго бродили по ярмарке и только часа через три решили, что пора возвращаться домой. Как я уже говорил, пунктуальность стояла в нашей семье во главе угла. Мы пошли за велосипедами, но обнаружили, что их украли. Брат, пораженный этим и ужасно расстроенный, заплакал. Велосипеда – рождественского подарка родителей – было, конечно, жалко, но Мохаммеда больше волновало, что отец задаст нам взбучку, когда узнает о нашем разгильдяйстве. Люди постепенно уходили с ярмарки, и мы, глотая слезы, спросили у какого-то парня, где тут можно найти полицейского. Оказалось, что полицейский участок совсем рядом, и мы отправились туда сообщить о краже наших велосипедов.

Со слезами на глазах мы зашли в большой подвал и услышали прерывистое дыхание, стук ударяющейся о пол скакалки и глухие удары кулаков в перчатках, бьющих по тяжелым грушам. Там боксировало человек шесть мужчин и молодых парней – подвал оказался совсем не полицейским участком, а спортивным залом, хотя у стены напротив мы заметили человека средних лет в форме.

Звали его Джо Мартин. Когда мы подошли, он педантично разъяснял нескольким парням тонкости правильной боксерской стойки. Собравшись с духом, Мохаммед произнес: «Мистер, мы были на ярмарке тут рядом, а когда вышли – увидели, что наши велосипеды кто-то украл. Вы не поможете их вернуть?»

Мартин показался нам человеком, заслуживающим доверия; он записал с наших слов, как выглядели велосипеды, и пообещал доложить начальству, но не отпустил нас просто так. «Кстати, мальчишки, – как бы между делом заметил Мартин, когда с официальной стороной дела было покончено, – почему бы вам не прийти сюда завтра, часов, например, в шесть – я бы научил вас боксировать?» У Мохаммеда на лице все еще не высохли слезы, но в его глазах я заметил знакомый огонек. И этому здоровяку-полицейскому брат ответил, что и так побьет вора, как только его поймают. Мартин, – как мы узнали впоследствии, человек терпеливый, – выслушал целый поток угроз, а потом заметил: не стоит вынашивать такие противозаконные мысли, не говоря уже о том, чтобы их исполнить, но если уж так получается, то сначала неплохо бы научиться драться. О боксе мы с братом почти ничего не знали и даже не предполагали, что когда-нибудь будем им заниматься, но Мохаммеда так захватил вид бойцов, запах и атмосфера зала, что он и думать забыл о велосипеде. Мартин дописал бумаги и, напомнив брату часы работы спортзала, протянул заявление на занятия, чтобы он отнес его домой. Мохаммед все еще расстраивался из-за велосипеда, но перспектива попробовать что-то новое его увлекла, и он с радостью взял листок.

Велосипед так и не нашли. А наши родители удивительно спокойно отнеслись к случившемуся, и даже от отца за разгильдяйство нам не досталось. Идея начать заниматься боксом Мохаммеда действительно вдохновила, так что он, в конце концов, решил ходить на тренировки к Мартину, и я, конечно, последовал за братом.

Но никто почему-то не помнит, что боксером был и наш двоюродный брат. И тренироваться он начал намного раньше нас. Еще до знакомства с Мартином кузен настаивал на том, чтобы Мохаммед научился боксировать, поскольку знал, как часто тот попадает в неприятности: хотелось, чтобы брат смог постоять за себя, случись ему подраться. Так что именно кузен первое время ходил с нами на тренировки и поддерживал интерес к боксу, а иначе мы бы быстро переключились на какие-нибудь другие детские развлечения. Но как бы активно наш двоюродный брат ни старался увлечь боксом Мохаммеда, сам он больших успехов не добился и вскоре перестал ходить в зал. А мы свои занятия продолжали.

Я неплохо помню первую тренировку Мохаммеда. Едва успев прийти, он тут же отправился на ринг биться с парнем постарше, уверенный, что справится с ним и без подготовки. Но брату хватило и пары минут, чтобы понять: от одной яростной работы кулаками никакого толку не будет. Мохаммед отчаянно пытался отправить парня в нокаут. А тот, имея куда больше тренировок за плечами и обладая поставленным ударом, оставил брата на полу с разбитым носом. Но Мартина боевой настрой Мохаммеда пришелся по душе – эта первая неудачная проба сладкой науки³ показала, что у моего брата есть напор и характер.

У Мартина в зале под названием «Колумбия» под одной крышей тренировались и белые, и темнокожие. Несмотря на то что в Луисвилле в те годы часто происходили конфликты на расовой почве, бокс являл собой редкий пример занятия, которое объединяет людей этих двух рас. Здесь, в спортзале, отношение ко всем было одинаковым, и никаких предубеждений в выборе спарринг-партнера не существовало. Во время тренировок мой брат обратил внимание на темнокожего тренера по боксу по имени Фред Стоунер. У него был зал на другом конце города, в котором занимались почти исключительно темнокожие. Хотя Мохаммед сохранял верность Мартину, на нашем первом соревновании нас очень впечатлило, как одеты парни из клуба Стоунера: их боксерки, трусы и халаты были одинакового цвета, и в целом казалось, что условия у них отличные. Однако портить отношения с Мартином Мохаммед не хотел и придумал, как работать с обоими так, чтобы они друг о друге не знали. Я, разумеется, снова последовал за братом – к тому времени в этом деле я стал профессионалом. Мохаммед вел меня, а я шел за ним, как примагниченный. По вечерам мы сначала тренировались у Мартина, а потом отправлялись в подземелье Стоунера, где физически и психологически нас пытали еще сильнее. Но все эти труды не пропали даром. У каждого тренера свои методы, и в начале нашего пути знакомство с разными стилями и приемами, безусловно, шло нам на пользу.

Благодаря тому, что я был физически сильным и крепким, а Мохаммед быстро совершенствовался, в том и другом зале мы скоро вышли на первые роли. Тренировались оба много, но, честно скажу, в плане дисциплины я от брата отставал. Бокс стал жизнью Мохаммеда: по дороге в школу он бежал быстрее автобуса, и в погоне за величием поклялся даже отказаться от газировки. Я следовал его примеру, потому что он мой брат и мы много времени проводили вместе, но увлеченность Мохаммеда боксом не шла ни в какое сравнение с моей. Ради того, чтобы забраться на вершину, о которой он мечтал, брат готов был пожертвовать многим. Он буквально глотал все, что связано с боксом, по уши влюбляясь в эту сладкую науку, и хвастливо повторял о своих намерениях стать величайшим боксером и изменить материальное положение нашей семьи. Денег нам всегда не хватало, и с самых первых дней занятий боксом Мохаммед нацелился на то, чтобы стать звездой. Уже потом его детские мечты о том, сколько он заработает, покажутся смешными – ведь когда брат разбогател по-настоящему, он не слишком-то дорожил деньгами и раздавал их так, словно они были ему неприятны. В любом случае в юности возможность заработать стала одной из главных мотиваций Мохаммеда. Но посудите

³ Сладкая наука (*sweet science*) – принятое в англоязычном мире название бокса. По мнению Мейвезера-младшего, «сладкая наука» означает, что боксер наносит удар, не пропускает ответный, зарабатывает деньги и уходит из спорта здоровым. – Прим. перев.

сами: какого подростка не вдохновляет перспектива стать чемпионом, прославиться и сколотить себе баснословное состояние? Деньги и слава тогда мотивировали меня куда больше, чем желание достичь совершенства.

* * *

Совсем скоро и я, и Мохаммед начали регулярно участвовать в турнирах. Одноклассники знали, что мы занимаемся боксом – видели наши любительские поединки по телевизору, в местном шоу «Чемпионы будущего». За каждый бой, организацией большей части которых занимался Джо Мартин, нам платили четыре доллара. Конечно, за карьерой брата в любительском боксе, да и моей тоже, следили и соседи, так что уже через несколько поединков в нашем небольшом темнокожем сообществе мы стали кем-то вроде местных знаменитостей. Удивительно, но знакомые белые ребята стали относиться к нам с Мохаммедом дружелюбнее, потому что видели: теперь мы популярны. Поединки брата и то, что о нем писали и говорили, впечатляли всех – даже белых мальчишек с предрассудками. «Слушай, я вчера видел по телевизору твой бой», – говорили ему на улицах ребята, те самые, которые еще год-два назад даже бы не глянули в нашу сторону. Так что мой брат уже почувствовал славу на вкус, хотя тогда ему и в голову не приходило, что однажды он будет представлять страну на Олимпиаде, а его известность выйдет далеко за пределы нашего квартала в Луисвилле.

Обучение в начальной и в средней школе в нашем городе было отдельным для белых и темнокожих, как и в любом другом южном штате. Мы с Мохаммедом окончили школу для темнокожих, и все наши одноклассники были, мягко говоря, не богаты. Многие мальчики и девочки получали бесплатное питание как дети из малообеспеченных семей – благосостоянием похвастаться не мог никто. Это разделение по цвету кожи и бедность рано научили нас тому, что темная кожа делает тебя другим, и мы с братом скоро осознали всю ужасную несправедливость этого. По телевизору постоянно рассказывали душераздирающие истории о том, как темнокожих травят собаками или линчуют – такие кадры навсегда остались в нашей памяти. Мы с Мохаммедом – темнокожие подростки – не переставали спрашивать себя: почему здесь, в Америке, из-за цвета кожи к тебе относятся по-другому? В юности, конечно, поделаться с этим мы ничего не могли, но, мне кажется, уже тогда Мохаммед хотел каким-то образом изменить мир.

А вот к школе брат никогда не относился всерьез. В классе он был клоуном. Мохаммед и так-то не отличался сообразительностью, да и особых усилий на уроках не прилагал, даже до начала боксерской карьеры. Брат никогда не считал, что образование – это нечто важное и ценное, и в средней школе, после первых же тренировок, в своих приоритетах поставил бокс выше. Мотивировала Мохаммеда только мысль, что надо как-то закончить школу; брат понимал – успехов в учебе он почти наверняка не добьется, поэтому посвятил себя другому занятию. И не только он решил так сделать.

Если кто-то в ранней карьере моего брата и выступал его движущей силой – так это наш отец. Мама на занятия боксом отреагировала спокойной улыбкой, однако Кэш Клей уже держал ногу на педали газа. У наших родителей стабильной работы не было никогда, поэтому боксерский потенциал своих сыновей отец рассматривал как будущий основной источник дохода, который не просто позволит нам попрощаться с бедностью, но приведет к славе и богатству. Папа не сомневался: его мальчики станут – ни много ни мало – чемпионами мира. Он ни капли не сомневался в нас. Отец начал всерьез интересоваться боксом и приходил на каждый наш бой. И очень нами гордился. На самом деле, именно папа был одним из наших главных фанатов. И повторю: он считал, что успеха добьемся мы оба, не только Мохаммед.

* * *

Даже мой брат, думаю, не скажет вам, сколько именно поединков он провел под опекой Джо Мартина с 12 до 18 лет. Знаю, что много – больше одного боя в месяц (часто в турнирах участвовал и я), – а пауз почти не делал. Уже в тех первых поединках зарождался его великий стиль, который он доведет до совершенства в будущем, научившись кружить вокруг соперника и уклоняться от ударов так, что заставит консерваторов вздрогнуть. Наверное, он провел больше сотни любительских боев, из которых уступил лишь в восьми, – шесть раз выигрывал «Золотые перчатки Кентукки» и дважды – национальный чемпионат. В 1960 году он заявился на «Золотые перчатки» в полутяжелом весе, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не встретились по ходу турнира, и выиграл довольно легко. В том же году Мохаммед поехал в Сан-Франциско для участия в отборе в национальную сборную и оставил не у дел нескольких высококлассных боксеров, а потом выиграл и упорный бой против Аллена Хадсона: победа обеспечила ему место в команде на Олимпийские игры, которые должны были пройти в Риме.

Сам я, конечно, в Рим не поехал. За поединками брата мы с родителями следили по телевизору. Первые бои он провел по-чемпионски, как мы и предполагали, без проблем побеждая соперников, которые, видимо, не ожидали, что тяжеловес способен так быстро двигаться, уклоняясь от ударов и словно танцуя. Мы понимали, в финале будет непросто, ведь в соперники брату достался боксер с отличным послужным списком. Пятого сентября Мохаммед вышел на ринг против поляка Збигнева Петшиковского. Оба весили 80,7 килограмма. Поляк, старше брата на лет семь, был левшой, соперником очень жестким и гораздо более опытным. И все же верх одержал Мохаммед: единогласное решение судей принесло ему золотую медаль в полутяжелом весе. Так мечта стала реальностью, и тот день я никогда не забуду.

В аэропорту Луисвилла сотни жителей его родного города с нетерпением ждали возвращения Мохаммеда. Я с родителями, мэр Луисвилла, члены городского совета, местные министры и ученики центральной средней школы вместе с учителями и директором, – в аэропорт стремился приехать каждый, чтобы поприветствовать брата. Толпа фотографов из местных газет готовилась заснять новоиспеченного чемпиона. Из аэропорта нас с родителями и братом в сопровождении кортежа повезли по улицам Луисвилла. У здания центральной средней школы, куда мы приехали, толпились ученики и представители общественности с плакатами в руках: «Добро пожаловать домой, Кассиус Марцеллус-младший, олимпийский чемпион в полутяжелом весе!». Стоило машине остановиться, как к нам бросились ребята и счастливые взрослые, чтобы поприветствовать своего земляка. Мохаммеду было очень приятно. Потом мы прошли в актовЫй зал, где для родителей на сцене стояли два стула. Мы, скромные люди, понимали, что тот день будет особенным, но даже не могли себе представить, что нас будут встречать так.

Когда все сели, заговорил директор школы, мистер Олвуд С. Уилсон. Он сказал собравшимся, что учителя, ученики и он сам невероятно гордятся тем, что их бывший воспитанник выиграл золотую медаль на Олимпиаде. Произнеся эти трогательные слова, он попросил Мохаммеда рассказать об олимпийском турнире. Его приветствовали стоя, и овации продолжались несколько минут. Мохаммед встал со своего места и начал речь. Он красноречиво описал польского соперника – того, который, по собственному признанию брата, задал ему неплохую трепку. И все же Мохаммед без ложной скромности заметил, что превосходил противника в скорости и тактике: победу, по его словам, принесли ему решительность и мастерство, которое он совершенствовал много лет. Брат говорил о том, что очень гордится золотом, завоеванным для Америки. Что всегда мечтал не просто об участии в Олимпийских играх, а о победе, и теперь, когда мечта осуществилась, олимпийский пьедестал станет для него платформой, с которой его голос будет услышан. Олимпиада, заявил Мохаммед собравшимся, – это золотой ключик, отрывающий многие истины: не все знали о том, что в последнее время брат

активно интересовался расовой политикой Америки, поэтому многих та фраза поразила. Когда он закончил говорить, все снова встали и устроили ему овацию. Потом ученики с горящими глазами спросили, можно ли им потрогать медаль. Взглянуть одним глазком недостаточно – каждый хотел поддержать олимпийское золото в руках. Мохаммед был не против: он спустился со сцены и с улыбкой ждал, пока каждый ученик подойдет и потрогает его награду.

После насыщенного дня в школе мы вышли из актового зала и через центр Луисвилла поехали домой. Сопровождавшие наш кортеж машины с мигалками все время сигналили. Я наслаждался моментом, сидя на переднем сиденье, тогда как Мохаммед ехал на заднем, иногда привставая, улыбался своей фирменной улыбкой и махал всем, кто его приветствовал.

У нашего дома на Гранд-авеню собралась толпа соседей, чтобы с почестями встретить чемпиона. Приехали и журналисты из местной газеты, чтобы взять интервью и сфотографировать Мохаммеда. Помню, пока брат разговаривал с собравшимися, я любовался золотой медалью – она так чудесно выглядела у него на шее. Потом люди, взволнованные встречей с героем Олимпиады, стали расходиться. А я вспоминал те годы, когда мы вместе тренировались, рано утром бегали и болтали о лучших боксерах-любителях. Мохаммед всегда безапелляционно заявлял: «Когда-нибудь, Руди, я стану олимпийским чемпионом в полутяжелом весе». Я верил, что у брата талант, поэтому никогда не позволял пессимизму брать верх. На свете нет чувства лучше, чем радоваться успехам близкого человека. Родители повторяли нам: добиться результатов в боксе можно только отдавая всего себя. Отец предупреждал, что на пути к триумфу мы столкнемся с препятствиями. Не все родители поддерживают своих детей, но наши вдохновляли нас на победы, и я всегда буду им за это благодарен.

Тот успех изменил не только жизнь Мохаммеда, но и мою собственную. В средней школе я стал почти звездой из-за нового статуса брата. Ребята, с которыми я сталкивался в коридорах или сидел в одном классе, улыбались и желали мне удачи. Тот последний год в школе навсегда останется у меня в памяти.

Уже больше пятидесяти лет назад все узнали, что свою золотую медаль Мохаммед выбросил в реку Огайо, потому что его, олимпийского чемпиона, не пустили в ресторан в родном Луисвилле. Но я читал где-то, что, мол, это все рассказы, кем-то придуманные и широко растиражированные. Говорили, брат просто потерял медаль, а я делал все, чтобы помочь ее найти. Якобы мы безуспешно обыскали весь наш дом. Как вы понимаете, олимпийское золото – символ статуса, и той медалью брат очень гордился. Очень жаль, что спустя столько лет кто-то вдруг решил написать весь этот бред. Без обиняков заявляю: в тот ресторан мы с Мохаммедом ходили вместе, и нас отказались обслужить. «Чизбургер, пожалуйста», – попросил Мохаммед. «Нет, у нас правило: никаких негров», – ответила женщина. Мой брат с сарказмом заметил: «Я тоже их не ем. Прошу всего лишь чизбургер». Поняв, что нас не обслужат, мы ушли, кипя возмущением и злобой. А когда брели по мосту на 2-й улице, брат просто бросил свою драгоценную медаль в реку. Я пытался его остановить, но он ответил: «Нет, Руди, меня это задело. Какое унижение. Мне так больно». И, знаете, я просто заплакал.

Именно тогда мы оба в последний раз держали в руках его медаль. Так что та история – не выдумки, я видел все собственными глазами.

* * *

После победы на Олимпиаде Мохаммед перешел в профессионалы и в качестве менеджера нанял группу из десяти миллионеров – так называемую «Луисвиллскую группу». Они обратились к нему сразу после триумфа в Риме, предложили покрывать расходы на все тренировки, дорогу, жилье и питание, а также дать премию за подписание контракта и выплачивать постоянную гарантированную сумму – в обмен же спонсоры хотели получить 50 % доходов от его будущих боев и другой деятельности.

Такое соглашение предполагало, что нам предстоит познакомиться с Джо Мартином, который, надо признаться, был отличным наставником для Мохаммеда; за время наших с братом тренировок у нас с Джо сложились прекрасные отношения. Дебют в профессиональном боксе состоялся у Мохаммеда 29 октября 1960 года: соперником был Тинни Хансейкер, а бой проходил в «Зале свободы» Луисвилла. Победу в этом шестираундовом поединке мой брат одержал по очкам; вскоре менеджеры Мохаммеда решили, что ему нужно начать тренироваться у более именитого наставника – Анджело Данди. Значит, брату предстояло переехать в Майами-Бич: именно там находился знаменитый зал на 5-й улице, где работал Анджело.

Что интересно, первый раз Мохаммед встретился с Данди за много лет до этого, в нашем родном городе. В 1958 году Анджело тренировал Уилли Пастрано, чемпиона в полутяжелом весе, и они приехали в Луисвилл на бой с Джорджем Холманом. Тогда брат уже очень внимательно следил за всем, что происходило в боксе, и не упускал возможности встретиться со спортсменами и тренерами, которых уважал. Вот и в тот раз после боя, который Пастрано проиграл, Мохаммед из лобби отеля, где жил Данди, позвонил ему в номер и спросил, можно ли встретиться с ним и с боксером на пять минут. Выдержав долгую паузу, Анджело согласился, и мы с братом поднялись наверх, где нас ждал сам Данди и его расстроенный боец. По сути, Мохаммед просто ворвался в номер и заорал, что Анджело должен взять его к себе тренироваться. Когда мы ввалились, Анджело с Уилли смотрели телевизор, пили апельсиновый сок и ели чипсы. Пастрано валялся на кровати в одной майке, уплетал мороженое и хотел было выставить нас за дверь. Он решил, что Мохаммед – просто восторженный болтливый юнец. Ведь брат, никогда не стеснявшийся говорить что думает, чуть ли не с порога начал хвастаться, что станет следующим чемпионом мира в полутяжелом весе. Данди такое нахальство, конечно, поразило – ведь тогда было не принято так себя вести. С другой стороны, Анджело считал, что подобная уверенность – это плюс для боксера, необходимая черта характера, без которой в этом тяжелом спорте не преуспеть. В результате пять минут превратились в беседу длиной в три с половиной часа, большую часть которой Мохаммед засыпал тренера и спортсмена вопросами. Брат хотел узнать обо всем, и его энтузиазм не остался незамеченным: думаю, уже тогда Данди понял, что в Мохаммеде есть что-то особенное.

Как бы то ни было, после победы брата на Олимпиаде они с Анджело случайно встретились в Луисвилле. На этот раз Данди оказался готов к сотрудничеству и спросил, не хочет ли Мохаммед тренироваться у него в Майами. Предложение выглядело невероятно заманчивым, но брат его отклонил. Не представляю почему. Переход к Анджело мог стать идеальным шагом для начала нового этапа в карьере, но после отказа «Луисвиллская группа» наняла для Мохаммеда другого наставника. Брат стал тренироваться у Джерси Джо Уолкотта, а тот заставлял его подметать и мыть полы. Мохаммеду это, конечно, не нравилось. Не просто не нравилось – это его бесило. Молчать брат не собирался и не раз открыто заявлял Джерси Джо, что пришел сюда не посуду мыть и не в доме убираться, а тренироваться. Уолкотт же пропускал его слова мимо ушей; тогда Мохаммед позвонил Анджело: единственное, чего он хотел, – это поскорее поменять тренера. Данди, казалось, ждал звонка и согласился сразу. Отчаявшийся уже Мохаммед сказал ему, что хочет провести первую тренировку завтра же. «А где ты сейчас?» – спросил Анджело. «В Луисвилле». «И как же ты собираешься попасть в Майами?» – удивился Данди. «На машине», – сказал Мохаммед. В итоге он провел в дороге утомительные 15 часов, но, по мнению брата, оно того стоило.

На следующий день, в воскресенье утром, Мохаммед пришел в знаменитый зал на 5-й улице. В выходные маленький сын Анджело, Джимми, ходил на тренировки к отцу. Когда в десять утра папа с сыном зашли в здание, они увидели, что Мохаммед сидит на лестнице и терпеливо их дожидается. Малыша Джимми брат сразу же привел в восторг. Втроем они поднялись по лестнице, и Анджело показал Мохаммеду свой скромный спортзал. Данди изумили слова брата о том, что он хочет провести спарринг-сессию и бой уже во вторник – всего через

два дня после своего пятнадцатичасового путешествия. За организацию поединка отвечал брат Анджело, Крис, который был промоутером.

Разумеется, Мохаммед хотел наверстать упущенное. Анджело поставил его спарринговать с Уилли Пастрано и парой других тяжеловесов, и та тренировка запомнится как еще один пример высочайшего мастерства моего брата, которое он показывал даже в начале карьеры. Будем откровенны, из Уилли и других молодых тяжеловесов Мохаммед просто сделал котлету. На ринге брат показал себя во всей красе. Впечатленный подобным напором Мохаммеда, тренер, обращаясь к своему звездному ученику Уилли – чемпиону мира в полутяжелом весе, на минуточку, – сказал: «Сегодня не твой день. Иди домой. Ты устал». Мохаммед старался продемонстрировать новому тренеру все свои навыки. Обычно он милосерден к своим спарринг-партнерам, но в тот день так хотел показать, чего стоит, что задал парням жару. Им пришлось нелегко. «Сегодня ты лучший, парнишка», – похвалил его новый тренер.

Однако события первого дня моего брата в Майами на этом не закончились. После тренировки Мохаммед, Анджело и Джимми отправились пообедать в кафе неподалеку от спортзала. Конечно, Данди хотел представить друзьям своего нового ученика – олимпийского чемпиона. Когда Мохаммед зашел в кафе, парень за стойкой бросил взгляд на улыбающегося Мохаммеда и заявил: «Никаких негров». А потом начал говорить и кое-что похуже – всякие унижительные словечки, которые брату совсем не понравились. Было такое ощущение, что в кафе зашел инопланетянин. Никто не стал бы обвинять Мохаммеда, если бы он захотел преподать урок хороших манер этому парню, но тут появился Анджело.

«Так мы и не собирались их заказывать, – заметил он, сверля официанта взглядом. – Мы хотели гамбургер. Сейчас мы сядем здесь, и вы нас обслужите». Так что поделаться парень ничего не мог. В его интересах было закрыть рот и нарушить правила. В конце концов, все сели пообедать, и тренер представил Мохаммеда своим друзьям.

Из-за законов о сегрегации найти Мохаммеду жилье оказалось не так-то просто. Пока тренер подыскивал брату дом, тот остановился в Овертауне, в гостиницах «Мэри Элизабет» и «Сэр Джон», но это был район только для белых. Неудивительно, что Анджело переживал за моего брата. Темнокожий, даже если он просто идет по улице в этом квартале, может привлечь нежелательное внимание, а Мохаммед к тому же за словом в карман не лез. Наконец, Данди нашел ему дом на углу 7-й авеню и 118-й улицы: серый, одноэтажный, с фасадом и задним двориком – на той же улице, где жил и сам Анджело. Жилье, конечно, не для олимпийского чемпиона. Но проблемы из-за цвета кожи не прекратились даже тогда.

Каждый день Мохаммед добирался до спортзала бегом – это было частью тренировочного процесса; его то и дело останавливали полицейские. Анджело звонили чуть ли не каждый день, всегда прося подтвердить одно и то же; они не верили, что брат тренируется в легендарном спортзале на 5-й улице и неизменно проверяли его слова. «Анджело, у нас тут молодой человек – это твой боксер?» – спрашивали полицейские. «Да, он мой боксер, – часто с раздражением отвечал Данди. – Пожалуйста, отпустите его, парню нужно тренироваться». В Майами процветали те же предрассудки, что и во всей Америке, но, к счастью, брат по крайней мере жил недалеко от Анджело. Когда тренер и ученик притерлись друг к другу, Мохаммед все выходные начал проводить с семьей Данди.

Брат подписал тот контракт с «Луисвиллской группой» и уехал в Майами-Бич, а я тогда заканчивал школу. Став профессионалом, большую часть денег, полученных от спонсоров, Мохаммед потратил на покупку нового дома для родителей. Мама часто говорила о своих мечтах, и дом был одной из них. Я до сих пор помню, как она была счастлива. Теперь мы могли позволить себе и кое-какие дорогие вещи, ведь карьера моего брата шла в гору.

Вскоре я снова последовал за Мохаммедом. Несмотря на дружбу, сложившуюся с семьей Данди, брат очень мало кому доверял, поэтому в 1962 году он попросил меня приехать: хотел, чтобы рядом был близкий человек. Поскольку я не имел в то время никакой постоянной

работы, то решил не упускать такую возможность. Мои обязанности заключались в том, чтобы быть частью свиты Мохаммеда и помогать на тренировках. Не стоит и говорить, что я вмиг собрал свои вещи и приехал в Майами. Быстро обустроился у брата. В свободное время мы часто смотрели фильмы в гостиной или просто отдыхали. Спать обычно ложились в одиннадцать, потому что вставать приходилось рано – нас ждала утренняя пробежка.

Казалось, именно такой наставник как Анджело и нужен моему брату, и не только потому, что он терпеливо разговаривал с полицейскими. Замечательный человек, добрый, как любимый дядюшка, и отличный спортивный психолог, почти волшебник. Ему удавалось проникать в сознание своих бойцов и нацеливать их на свершения, а они об этом даже не подозревали. На том этапе карьеры моему брату как раз такой подход и был нужен. Поначалу Мохаммед во многих вещах проявлял упрямство, поэтому Анджело приходилось заставлять своего подопечного думать, что он сам всего этого хочет. Долгое время Данди слегка манипулировал Мохаммедом: убеждал его, что именно он сам решил тренироваться больше или меньше, отрабатывать определенный удар или что-нибудь еще. Например, если Анджело хотел, чтобы Мохаммед чаще использовал апперкот, он начинал осыпать его похвалами за один-единственный апперкот в раунде, и в следующем брат делал его раз шесть.

Однако героем моей любимой истории о методах Анджело является другой боксер, который тренировался тогда вместе с братом. Уверенность в себе у того парня все слабела, особенно уверенность в силе своего удара. Как известно любому боксеру, такие опасения могут стать смертельными: если ты не уверен в себе, обязательно пропустишь атаку. Так вот, однажды, перед тренировкой, Анджело ослабил крепеж груши; когда парень нанес первый удар, та сорвалась, пролетела через весь зал и шмякнулась на пол. Пораженный боец решил, что необходимая для удара взрывная сила у него есть, и уверенность вернулась. Представьте, что вам помогает такой тренер. Я чувствовал, что прогресс есть, ведь мы иногда спарринговали с братом. То он побеждал, то я. Но видно было, что Мохаммед становится лучше, быстрее, сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.